

С. ЯНГ

ВОСПРИЯТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1971–2011 гг.)

Поставив задачу сделать обзор исследований некоего объекта в той или иной национальной научной традиции, мы сразу же оказываемся перед необходимостью определить параметры отбора исследуемых объектов¹. В настоящей статье речь идет о публикациях работ тех исследователей, литературных критиков и переводчиков, которые значительную часть своей профессиональной деятельности провели или проводят в Великобритании. Соответственно, среди них названы ученые, перебравшиеся на работу в университеты других стран либо переселившиеся в Великобританию не в самом начале карьеры. Их же имена, естественно, могут быть упомянуты в обзорах исследований творчества Достоевского, проведенных в других странах и регионах мира. При этом место публикации работы мы не учитываем, поскольку нет ничего более естественного для современного ученого, чем размещать свои труды в международных изданиях и журналах. Британцы же, особенно в последние годы, все более ориентируются на ведущие мировые журналы и книжные серии.

Вклад живущих или живших в Британии исследователей в рецепцию и исследование творчества Достоевского многообразен. Популярность Достоевского на Британских островах и в Северной Америке поддерживается постоянным появлением новых переводов, выполненных англоговорящими переводчиками. Это прежде всего Д. Мак-Дафф (D. McDuff) (издательство «Penguin Books»), И. Авсей (I. Avsey), Р. Фриборн (R. Freeborn), А. Майерс (A. Myers) (издательство «Oxford University Press») и Х. Эплин (H. Aplin) («Hesperus Press»)². Эти и дру-

¹ Я хотела бы поблагодарить М. Джоунса за его существенные замечания к первому варианту настоящей статьи, которые были для меня бесценным подспорьем в ходе ее переработки.

² Д. Мак-Дафф перевел «Записки из Мертвого дома» (Лондон, 1983), «Бедных людей» (Лондон, 1988), «Дядюшкин сон» и другие рассказы (Лондон, 1989), «Преступление и наказание» (Лондон, 1991), «Братьев Карамазовых» (Лондон, 1993); А. Майерс — роман «Идиот» (Оксфорд, 1992); Р. Фриборн — «Подросток» (Оксфорд, 1994); И. Авсей — «Село Степанчиково и его обитатели» (Лондон, 1995), «Братьев Карамазовых» (Оксфорд, 1998), «Униженных и оскорбленных» (Ричмонд, 2008); Х. Эплин — «Двойника» (Лондон, 2004), «Записки из подполья» (Лондон, 2006).

гие англоязычные издания сопровождаются предисловиями таких видных исследователей творчества Достоевского, как М. В. Джоунс (M. V. Jones), У. Лезербарроу (W. Leatherbarrow) и недавно скончавшийся Р. Пис (R. Pease)³.

Период 1970–1990-х гг. был отмечен расцветом университетского преподавания достоевведения, когда фигурами, определявшими эту тенденцию, были Джоунс (M. V. Jones) (университет Ноттингема), Лезербарроу (W. Leatherbarrow) (университет Шеффилда), Пис (R. Pease) и Д. Офффорд (D. Offord) (университет Бристоля), а также Дж. Бёртнес (J. Vørtnes), И. Кириллова (I. Kirillova) и Д. Томпсон (D. Thompson) (Кембриджский университет). В последние годы выход в отставку нескольких профессоров старшего поколения, закрытие небольших русских отделений и перемена общей моды в преподавании достоевведения привели к тому, что литературоведение уступило перед экспансией культурологии. Нельзя, впрочем, сказать, что курсы по изучению творчества Достоевского исчезли из программы; ими занялись ученые нового поколения — Р. Коутс (R. Coates), С. Хадспис (S. Hudpsith) и С. Янг (S. Young), пополнившие ряды таких мэтров, как Д. Эндрю (J. Andrew), Офффорд и недавно скончавшаяся Томпсон.

Британские ученые внесли свой вклад и в создание учебных пособий по творчеству Достоевского на английском языке. Студентам и широкому кругу читателей предназначены краткая биография Достоевского, написанная Р. Фриборном (R. Freeborn)⁴, и пособия для студентов, в которых их авторы — П. Конради (P. Conradi), Пис (R. Pease) и Лезербарроу (W. Leatherbarrow) — дают обзор основных тем и идей творчества русского классика⁵. Кроме того, имеются два сборника статей, также ориентированных на широкий круг читателей (в том числе и на

³ Р. Хингли написал предисловие к английскому переводу «Записок из Мертвого дома» (*Hingley R. Introduction // Memoirs from the House of the Dead / Transl. J. Coulson. Oxford, 1983. P. VII–XVIII*); М. В. Джоунс — к «Запискам из подполья» и «Игроку» (*Jones M. V. Introduction // Dostoevsky F. «Notes from Underground» and «The Gambler» / Transl. J. Kentish. Oxford, 1991. P. VII–XXV*) и к «Братьям Карамазовым» (*Jones M. V. Introduction // Dostoevsky F. The Brothers Karamazov / Transl. R. Peavear, L. Volokhonsky. N. Y., 1992. P. V–XXIX*); В. Лезербарроу снабдил введениями переводы следующих романов и повестей Достоевского: «Идиот» (*Leatherbarrow W. J. Introduction // Dostoevsky F. The Idiot / Transl. A. Myers. Oxford, 1992. P. VII–XXII*), «Бедные люди» и «Игрок» (*Leatherbarrow W. J. Introduction // «Poor Folk» and «The Gambler». L., 1994. P. XVII–XXV*), книгу «Кроткая» и другие рассказы (*Leatherbarrow W. J. Introduction // «A Gentle Creature» and other stories / Transl. A. Myers. Oxford, 1996. P. VII–XXIII*); Р. Пис — автор предисловия к английскому переводу «Преступления и наказания» (*Peace R. Introduction // Crime and Punishment / Transl. J. Coulson. Oxford, 1998. P. VII–XXIII*).

⁴ *Freeborn R. Dostoevsky // Life and Times. L., 2003.*

⁵ *Conradi P. Dostoevsky // MacMillan Modern Novelists. Basingstoke, 1988; Peace R. Dostoevsky's «Notes from Underground» // Critical Studies in Russian Literature. L., 1993; Leatherbarrow W. J. Fyodor Dostoyevsky: «The Brothers Karamazov» // Landmarks of world literature. Cambridge, 1992.*

студентов): в одном объединены старые и новые работы, посвященные «Бесам», в другом — наиболее известные статьи британских, американских и российских ученых о «Преступлении и наказании», написанные между 1961 и 1996 гг.⁶

Хотя в целом британские студенты все меньше слышат на лекциях о Достоевском, на магистерском уровне к творчеству писателя сохраняется устойчивый исследовательский интерес. Достоевскому были посвящены следующие работы, по уровню приблизительно аналогичные российским кандидатским диссертациям: «Функция цитаты у Достоевского» С. К. Найта (S. C. Knight) (университет Эссекса, 1976); «„Братья Карамазовы“ Достоевского и поэтика памяти» Томпсон (Кембридж, 1986); «Политические и социальные идеи Ф. М. Достоевского (преимущественно в романе „Бесы“)» С. К. Картер (S. K. Carter) (Лондонская школа экономики, 1987); «Конрад и Достоевский: неожиданное родство» Р. Дж. Берри (R. J. Berry) (университет Стерлинга, 1993); «Самосовершенствование и самопознание в произведениях Достоевского» С. Крисмас (S. Christmas) (Кембридж, 1998); «Восприятие Достоевского в Великобритании (1869–1935)» Л. Аиелло (L. Aiello) (университет Шеффилда, 2000); «Достоевский и славянофильство: новый взгляд на единство и братство» С. Хадспис (S. Hudspith) (университет Шеффилда, 2000); «Чтение, повествование, создание сюжета: психо-поэтические стратегии в „Идиоте“ Достоевского» С. Янг (S. Young) (университет Ноттинггема, 2001); «Достоевский, женщины и Священное Писание: теологический взгляд с позиции феминизма» К. Дж. Бриггс (K. J. Briggs) (университет Бирмингема, 2007) и «Библия в романах Достоевского» Д. Брауера (D. Brower) (университетский колледж Лондона, 2009). Благодаря этим исследованиям обновился интерес к Достоевскому прежде всего как к религиозному писателю, по-новому осмыслены его роль консервативного мыслителя, гендерная проблематика и повествовательная форма его романов, а также компаративные и интертекстуальные подходы к его творчеству. После того как закончился начальный этап общих исследований творчества и биографии Достоевского, перечисленные работы в последние тридцать лет составили основное содержание достоеведения в Великобритании. Далее мы рассмотрим монографии о Достоевском, написанные британскими учеными, а в завершение представим тематический обзор посвященных Достоевскому статей.

Первым в ряду общих исследований творчества Достоевского, созданных крупными британскими учеными, стоит труд Писа⁷. Разбирая в основном «Записки из подполья» и поздние романы Достоевского,

⁶ Dostoevsky's «The Devils»: A Critical Companion / Ed. W. J. Leatherbarrow. Evanston, 1999; Fyodor Dostoevsky's «Crime and Punishment»: A Casebook / Ed. R. Peace. Oxford; N. Y., 2006.

⁷ Peace R. Dostoyevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, 1971.

Пис исследует символические аспекты текста, особое внимание уделяя мотивам религиозного сектантства.

Первая монография Джоунса, напротив, посвящена главным образом структуре романов Достоевского в ее связи с психологией героев. Джоунс предложил в ней концепцию «разлада» как свойства, определяющего не только атмосферу, в которой разворачивается действие романов Достоевского, но и их беспрецедентную форму⁸.

Р. Хингли (R. Hingley), автор биографии Достоевского, фиксирует в своем труде прежде всего парадоксы и крайности творчества писателя, рассуждая о генетической связи литературных произведений со сложностями и противоречиями личности и опыта их автора⁹.

В монографии Лезербарроу 1981 г. речь идет не только о четырех главных романах Достоевского и повести «Записки из подполья», как это принято в большинстве исследований, но рассматриваются и ранние произведения писателя: «Униженные и оскорбленные» и «Подросток»¹⁰. Размышляя прежде всего в контексте европейской истории идей, Лезербарроу останавливается на представлении Достоевского о двойственности человеческой природы, которое удаляет русского писателя от просвещенческого оптимизма. Описывая эстетическую систему Достоевского, фундированную нравственной неопределенностью и всеми сомнениями своего века, Лезербарроу показывает, как прерывистость повествования, постоянная смена нарративных точек зрения и полифония голосов помогают писателю создать многообразные изображаемые реальности — в противоположность Толстому с его более устойчивыми повествовательной формой и художественным миром.

Труд Дж. Джонса (J. Jones) — последнее исследование творчества Достоевского, вышедшее в свет перед тем, как первенство в этой области захватили теоретические подходы. Исследование имеет общий характер и рассматривает главным образом техники повествования. Обращая необычно много внимания на ранние произведения писателя и на понятие двойничества, Джонс целую главу посвящает «Запискам из Мертвого дома», игнорируя при этом роман «Идиот», который он расценивает как «неудачу» на том основании, что «здесь использовано спокойное и традиционное повествование от третьего лица»¹¹ — мнение, с которым многие не согласятся.

В 1970–1990-х гг. появился ряд работ, ориентированных на философские аспекты творчества Достоевского. А. Б. Гибсон (A. B. Gibson) рассматривает конфликт веры и сомнения как проявление двойственности самого автора и породившей его социальной среды. Подчер-

⁸ Jones M. V. *Dostoyevsky: The Novel of Discord*. L., 1976.

⁹ Hingley R. *Dostoyevsky: His Life and Work*. L., 1978.

¹⁰ Leatherbarrow W. J. *Fedor Dostoyevsky*. Boston, 1981.

¹¹ Jones J. *Dostoyevsky*. Oxford, 1985. P. X.

живая моменты развития и изменения в творческой биографии Достоевского, он доказывает, что писатель не отвергал выводов разума, но считал их лишь отправной точкой для последующего движения мысли¹².

Вклад Достоевского в философию религии — предмет важного междисциплинарного труда С. Сазерленда (S. Sutherland), в котором витгенштейновское понятие «форм жизни» используется для исследования природы атеизма Ивана Карамазова и разновидностей веры и сомнения, характерных для других персонажей романа, а также роли их разговоров о религии¹³.

А. Д. Наттол (A. D. Nuttall) в своей книге о «Преступлении и наказании» также размышляет прежде всего о моральных аспектах и философских смыслах произведения, отказываясь от структуралистских и формалистских подходов и предпочитая жанр философской психологии¹⁴.

«Достоевский после Бахтина» Джоунса открыл новое направление британских исследований Достоевского. Это первая монография, в которой теории Бахтина последовательно и глубоко рассмотрены и соотнесены с трудами других теоретиков и критиков литературы¹⁵. Выделяя в первую очередь подрывные и разрушительные аспекты диалога, и внутреннего, и внешнего, которые Бахтин слишком часто нивелирует, Джоунс представляет зрелые романы Достоевского как «машину», сводящую с ума всех действующих лиц, а заодно и читателя. Он также рассматривает диалогические отношения Достоевского с предшественниками, прежде всего с Руссо, и христианский контекст «Братьев Карамазовых». Последняя тема будет занимать Джоунса всю его последующую творческую жизнь и в 2005 г. увенчается выходом книги «Достоевский и динамика религиозного опыта», речь о которой идет далее.

Религиозный контекст и смысл финального романа Достоевского занимает и Томпсон. Она стала первым в Британии литературоведом, серьезно обдумавшим «православный поворот» в достоевеведении¹⁶. Необычайно глубоко и скрупулезно исследуя «Братьев Карамазовых», Томпсон отвела проблемам авторской речи и повествовательных

¹² Gibson A. B. *The Religion of Dostoevsky*. L., 1973.

¹³ Sutherland S. R. *Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov»*. Oxford, 1977.

¹⁴ Nuttall A. D. *Dostoevsky's «Crime and Punishment»: Murder as a Philosophic Experiment*. Edinburgh, 1978.

¹⁵ Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990. См. также: Джоунс М. В. Достоевский после Бахтина: исследование фантастического реализма Достоевского / Пер. А. Скидан. СПб., 1998.

¹⁶ Thompson D. O. *«The Brothers Karamazov» and the Poetics of Memory*. Cambridge, 1991. См. также: Томпсон Д. О. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер. Н. М. Жутовской. СПб., 2000.

приемов центральную роль в выяснении смысла памяти в романе и ее места в системе добра и зла, а также вопросов веры и атеизма. Проведенный в этой книге анализ роли прошлого, настоящего и будущего, различных типов сюжета (практического, идеологического и библейского) и связанных с ними форм представления будущего и предвосхищения сводит воедино разные нити романа и при помощи множества разнообразных и небанальных способов демонстрирует, как христианская поэтика Достоевского вплетена в текстуру его романа.

С. Хадспис (S. Hudspith) внесла свой вклад в британское достоеведение, тщательно разобрав фикциональные и нефикциональные произведения Достоевского в контексте славянофильских идей, что позволило описать соотношение в творчестве писателя вопросов нравственности и национальности¹⁷. Исследовательница рассмотрела обращение Достоевского к категории «соборности» и интерпретировала его прозу с точки зрения противоречия между «персидским» принципом органической целостности и «кушитским» принципом фрагментарности, представляющим собой следствие доминирования разума: в этой парадигме «подпольный» человек оказывается узником кушитского мира детерминистского мышления и его логических выводов. Проанализировав значительную часть произведений Достоевского, Хадспис создала книгу, превосходящую по объему исследований большинство трудов британских литературоведов, поскольку в ней пристальное внимание уделено «Запискам из Мертвого дома» и «Дневнику писателя»; последнее произведение рассматривается как «исследование русскости»¹⁸.

Книга С. Янг (S. Young) уже по охвату произведений Достоевского в большей степени теоретична, ее предмет — роман «Идиот» как переходный текст в эволюции поэтики Достоевского, поскольку именно в нем писатель глубоко исследует возможность изобразить жизнь духа¹⁹. Рассматривая взаимоотношения персонажей и их склонность рассказывать как о себе самих, так и о других, особенно о князе Мышкине, исследовательница развивает концепцию «осюжечивания», с помощью которой описываются варианты использования этих рассказов — в добрых или злых целях, ради влияния и манипулирования как собственно персонажами романа, так и повествовательной формой. По мере того как герои романа становятся одновременно читателями и рассказчиками, между ними стираются различия и рассказчик утрачивает свое авторитетное положение. Следствием этого оказывается все возрастающая ненадежность рассказчика и его двойственность отношения к Мышки-

¹⁷ Hudspith S. F. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. L.; N. Y., 2004.

¹⁸ Ibid. P. 64.

¹⁹ Young S. Dostoevsky's «The Idiot» and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting. L., 2004.

ну, что в конечном счете подводит к проблеме изображения «положительно прекрасного человека».

Лезербарроу в своей книге «Бесовский водевиль» обращается к разнообразным истокам демонического — русскому фольклору, православной теологии, европейской и русской литературной традиции, объединенным в творчестве Достоевского²⁰. Пристальное прочтение семиотических маркеров демонического позволяет раскрыть многообразие его смыслов, от роли в формировании безбожного мира европеизированных антигероев-интеллектуалов до демонических импликаций самого акта сочинительства. Таким образом, это исследование позволяет, помимо прочего, понять, каким образом интерес Достоевского к «посторонности» определяет особенности его поэтики.

Джоунс в своей книге «Достоевский и динамика религиозного опыта» возвращается к вопросам внутренних противоречий в диалогической системе Достоевского, составивших центральную тему его ранней монографии «Достоевский после Бахтина», однако теперь Джоунса интересует прежде всего религиозная амбивалентность центральных произведений Достоевского, где, как утверждает исследователь, представлены все аспекты религиозного опыта, но с акцентом на его негативной стороне — сомнении и неверии²¹. Неизменный обертон веры Достоевского в бессмертие человеческой души — мысль о том, что жизнь на земле несовершенна — выводит на первый план в фикциональном мире писателя, по мнению Джоунса, не собственно обретение веры, а ведущий к нему путь. Тут же исследователь раскрывает связь между обратной стороной веры — неверием в возможность абсолютной и последней истины — и нестабильностью и ненадежностью повествования, столь характерными для писательского стиля Достоевского. Выявляя проблемы, как идейные, так и очевидные, прочтения Достоевского в религиозном ключе, Джоунс не отрицает важной роли православия в индивидуальном мировоззрении писателя или того, что проблематика веры в его сочинениях часто — хотя и не всегда и не однозначно — имеет православную окраску. Он лишь уточняет, что при исследовании религиозности Достоевского необходимо принимать в расчет также отчаяние и неверие, поскольку они составляют значимую часть изображаемого писателем религиозного опыта.

Одно из самых примечательных явлений в британских исследованиях духовных оснований творчества Достоевского — труд бывшего архиепископа Кентерберийского Р. Уильямса (R. Williams)²², вышедший в свет в 2008 г. Сфера академических интересов преподобного

²⁰ *Leatherbarrow W. J. A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction.* Evanston, 2005.

²¹ *Jones M. V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience.* L., 2005.

²² *Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction.* L., 2008.

Уильямса, в совершенстве владеющего русским языком, связана с русским православием со времен его работы над диссертационным сочинением о теологии В. Лосского. Он также известен как поэт и переводчик валлийской поэзии, книга же о Достоевском — первый опыт теолога в области литературоведения. В этом труде, озаглавленном «Достоевский: язык, вера, литература», автор проводит аналогию между божественным актом творения и актом сочинительства в произведениях Достоевского. Следствием этой аналогии, по его мнению, является воплощение в текстах писателя разных вариантов человеческого существования, определяемых степенями веры и ее отсутствия. Можно возразить, что в книге не учтено опровержение Бога в произведениях Достоевского, или недостаточно внимания уделено роману «Идиот», но всё же монография преподавателя Уильямса остается тонким и глубокомысленным исследованием. Кроме того, положение Уильямса в британском обществе и в международной церковной иерархии означает, что круг читателей его книги намного шире того, что доступен другим исследователям русской литературы, представляющим свои сочинения в англоговорящем мире, так что эта книга, во всяком случае, откроет Достоевского множеству новых читателей.

Преимущественное внимание к религиозной интерпретации произведений литературы нашло свое недавнее выражение в книге К. Дж. Бриггс (K. J. Briggs), исследовавшей духовный опыт женских персонажей в творчестве Достоевского²³. Встав на точку зрения феминистской теологии, Бриггс утверждает, что роль женщин в духовной проблематике произведений Достоевского — их место в семье, отношение к вере, противостояние злу — делает героинь нравственным камнем его художественного мира.

Невозможно переоценить тот вклад в мировое достоевведение, который составило библиографическое исследование Лезербарроу «Путеводитель по Достоевскому»²⁴. В нем перечислены, год за годом, все посвященные Достоевскому публикации, вышедшие в свет с 1846 по 1988 г. на русском, английском и основных европейских языках, с краткими и точными характеристиками каждого труда, включая переиздания и переводы.

Наряду с работами, посвященными преимущественно Достоевскому, можно выделить ряд компаративных исследований. Дж. Эндрю (J. Andrew) в двух своих книгах анализирует вопросы гендера и сексуальности в русской литературе XIX в. и их влияние на повествовательную форму. В первой из них — «Нарратив и желание» — рассматривается повесть Достоевского «Неточка Незванова», и прежде всего то,

²³ Briggs K.J. How Dostoevsky Portrays Women in his Novels: A Feminist Analysis. Lampeter, 2009.

²⁴ Leatherbarrow W.J. Fedor Dostoevsky: A Reference Guide. Boston, 1990.

как Неточка, принимая патриархальный нарратив Ефимова, отвергает, вплоть до вытеснения воспоминаний, нарратив матери²⁵. Во второй книге — «Нарратив, пространство и гендер» — главы, посвященные повестям «Бедные люди» и «Белые ночи», представляют собой полемику с традиционным представлением о воплощенных в них гендерных моделях, о распределении ролей невинной жертвы и соблазнителя. Для Эндрю женоненавистничество «подпольного» человека составляет доминанту его личности и поступков²⁶.

У. Додд (W. J. Dodd), посвятив свое исследование диалогу Франца Кафки с Достоевским, раскрыв ключевую роль русского писателя в формировании поэтики Кафки 1912–1915 гг. О глубине проникновения Кафки в мир романов Достоевского свидетельствует роль «Двойника» в формировании не только системы мотивов, но и художественной формы рассказа Кафки «Превращение», а также в разработке проблематики вины, наказания, справедливости, власти и внутренней целостности личности в романе «Процесс»²⁷.

В двух посвященных Бахтину монографиях Р. Коутс (R. Coates) и К. Брандиста (C. Brandist) значительное внимание уделено «Проблемам творчества Достоевского» и бахтинскому представлению о карнавальности у Достоевского²⁸.

В сборнике статей Ф. Зили (F. Seeley), британского ученого, переехавшего в Соединенные Штаты, есть работы, посвященные Достоевскому. В книге «Спаситель или сверхчеловек?» разные персонажи Достоевского анализируются на пересечении психологии и идеологии²⁹.

В Британии, как и в других странах, религиозные и социально-политические аспекты творчества Достоевского привлекали ученых из смежных сфер знания. Известный теолог Д. Николл (D. Nicholl) рассматривает жизнь Достоевского как воплощение духа русского православия, а роман «Братья Карамазовы» — как духовный «подвиг» писателя³⁰.

В исследовании П. Данкэна (P. J. S. Duncan), посвященном роли мессианизма в интеллектуальной и политической жизни России, раскрывается широкий спектр идей Достоевского как публициста и писателя. В частности, анализируются его антисемитские высказывания в соотне-

²⁵ *Andrew J. Narrative and Desire in Russian Literature 1822–1849: the Feminine and the Masculine.* Amsterdam; N. Y., 1993. P. 214–226.

²⁶ *Andrew J. Narrative, Space and Gender in Russian Fiction, 1846–1903.* Amsterdam; N. Y., 2007. P. 23–62, 131–156.

²⁷ *Dodd W. J. Kafka and Dostoyevsky: The Shaping of Influence.* Basingstoke, 1992.

²⁸ *Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics.* L., 2002. P. 88–104; *Coates R. Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author.* Cambridge, 1998. P. 84–102.

²⁹ *Seeley F. F. Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky.* Nottingham, 1999.

³⁰ *Nicholl D. Triumphs of the Spirit in Russia.* L., 1997. P. 119–176.

сении с концепцией «еврейства» Маркса и верой самого Достоевского в то, что русский народ — это народ-богоносец³¹.

Несколько британских ученых выступили составителями посвященных Достоевскому сборников статей. Редактор и авторы сборника «Ф. М. Достоевский (1821–1881): к столетию со дня рождения», в числе которых Э. Джое (A. Johae) и Л. М. О’Тул (L. M. O’Toole), связаны с факультетами литературы, языка и лингвистических исследований университета Эссекса³². Структурные разборы «Кроткой» и «Подростка» соседствуют в упомянутом сборнике с интертекстуальными работами о Достоевском и Э. А. По, Т. С. Элиоте. Особенно пристальное внимание уделено «Братьям Карамазовым»: П. Симпсон (P. Simpson) анализирует диалог Вяч. Иванова и А. Камю с Иваном Карамазовым; в других статьях сборника анализ идеологических и психологических оснований творчества Достоевского также опирается в основном на последний роман писателя.

В сборнике «Новые работы о Достоевском» представлены статьи британских и американских ученых, тематически он охватывает сочинения Достоевского, написанные до ссылки, а также его основные романы. Кроме того, в сборнике есть эссе, посвященные религиозной и философской проблематике³³. Так, решительное, хотя и не без вызова, рассуждение протоиерея Сергия Гаккеля об амбивалентности разговоров старца Зосимы в отношении православия подводит читателя к выводу, что в «Братьях Карамазовых» авторское высказывание о вере в Бога весьма уклончиво и скорее свидетельствует о вере писателя в почву и космос, а также в народный дух. В статье Сазерленда соотнесено понимание Достоевским проблемы «я» и личной свободы с современными философскими воззрениями и показано, в частности, как отрицание «подпольным» человеком детерминизма обрекает его речь на бессвязность. Как и в более ранней своей книге³⁴, Сазерленд подчеркивает могучую способность Достоевского основывать художественный мир своих романов на наиболее важных философских дилеммах, стоящих перед человечеством. Также в сборник включены обзор структуралистских и формалистских подходов к творчеству Достоевского К. Пайка (C. Pike) и библиографическое эссе Г. Терри (G. Terry) об исследованиях творчества Достоевского в Великобритании, проведенных до 1980 г. Джоунс должен быть упомянут здесь еще раз как редактор-составитель сборника «Достоевский в двадцатом веке»³⁵, в который вош-

³¹ *Duncan P.J. S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After.* L.; N. Y., 2000. P. 32–41 and passim.

³² *F.M. Dostoevsky (1821–1881): A Centenary Collection / Ed. L. Burnett. Colchester, 1981.*

³³ *New Essays on Dostoyevsky / Ed. M. Jones, G. Terry. Cambridge, 1983.*

³⁴ *Sutherland S.R. Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov».* Oxford, 1977.

³⁵ *Dostoevsky in the Twentieth Century: The Ljubljana Papers / Ed. M.V. Jones. Nottingham, 1993.*

ли доклады, прочитанные на посвященной Достоевскому международной конференции, состоявшейся в 1989 г. В этом в полном смысле слова интернациональном сборнике представлены двадцать четыре статьи ученых из одиннадцати стран, написанные на четырех языках. Он состоит из разделов, посвященных Достоевскому и современности; Достоевскому и реальной истории; Достоевскому и современным мыслителям (с акцентом на фигуре З. Фрейда); структуре, композиции и жанру его произведений; а также компаративным исследованиям, включающим работы об А. Жиде, Э. Т. А. Гофмане, Е. Замятине и О. Манделштаме. Среди авторов сборника — Г. М. Фридендер, В. Н. Захаров, В. А. Туниманов, К. Эмерсон (С. Emerson) и Х.-Ю. Герик (Н.-J. Gerigk).

Сборник, составленный Лезербарроу, — «Достоевский и Британия» — объединил новые и уже известные статьи таких разных ученых, как Л. П. Гроссман и М. Джоунс, Р. Ф. Миллер (R. F. Miller) и И. Зограб (I. Zohrab)³⁶. В работах о влиянии на Достоевского английской литературы речь идет о Шекспире, Диккенсе, Э. Гаскелл (E. Gaskell) и ее романе «Мэри Бартон», о чартистских романах середины XIX в., а также о готических романах А. Радклиф (A. Radcliffe) и Ч. Мэтьюрина (Ch. Maturin). Представлены работы о Достоевском в контексте современной ему социальной и религиозной мысли Британии; о переводах К. Гарнетт (C. Garnett), открывших Достоевского читателям с британских островов; о влиянии Достоевского на литературу XX в., в том числе на Дж. Конрада (J. Conrad), Д. Лоуренса (D. Lawrence) и А. Мёрдок (I. Murdoch).

Сборник «Достоевский и христианская традиция» посвящен православному контексту и содержанию творчества Достоевского³⁷. Из британцев в нем приняли участие И. Кириллова, исследовавшая пометки Достоевского на Евангелии от Иоанна, где в центре стоят вопросы божественного происхождения Христа, сомнения и воскрешения; а также Томпсон, в чьей статье рассматривается «евангельское слово» в прозе Достоевского, прежде всего в монологе Мармеладова в распивочной, предвосхищающем раскаяние Раскольникова, неудача князя Мышкина как «положительно прекрасного человека», обращение Степана Трофимовича в «Бесах» и восприятие читателем Ивана Карамазова. А. Пайман (A. Puman) обращается к полифонии у Достоевского в ее соотношении с миром православия, к которому принадлежал писатель, и подчеркивает сознательное стремление Достоевского найти корни своей личности и своего творчества в русской религиозной жизни. Дрое рассматривает религиозную символику «Преступления и наказания», в частности, что весьма необычно, в архитектурных образах романа. Дж. Паттисон

³⁶ Dostoevskii and Britain / Ed. W. J. Leatherbarrow. Oxford, 1995.

³⁷ Dostoevsky and the Christian Tradition / Eds. G. Pattison, D. O. Thompson. Cambridge, 2001.

(G. Pattison) читает Достоевского и Кьеркегора через призму теории Р. Жерара о насилии и священной жертве, определяя таким образом границы диалога на тему религии. Этот сборник также впервые представил английским читателям возможность познакомиться с работами двух видных российских исследователей: эссе И. А. Есаулова посвящено закону и благодати, статья В. Кантора — теме соблазна и ответственности в связи с разговором Смердякова с Иваном Карамазовым.

«Кембриджский путеводитель по Достоевскому» вышел в известной серии «Cambridge Companions to Literature», посвященной разным писателям и культурным традициям³⁸. Эта серия адресована прежде всего широкой публике и студентам и основана на тематическом подходе, ориентированном на создание многостороннего образа автора. В интересующий нас «Путеводитель» вошли статьи о Достоевском и русском фольклоре, деньгах, интеллигенции, психологии, религии и науке; их авторы — британские ученые Лезербарроу, Джоунс, Д. Офффорд, Томпсон и Ф. Вигзел (F. Wigzell), а также исследователи из других стран, в числе которых Р. Белкнап (R. Belknap), Г. С. Морсон (G. S. Morson) и У. М. Тодд (W. M. Todd).

Выход сборника «Достоевский на пороге других миров»³⁹ был приурочен к 65-летию Малкольма Джоунса, одного из самых видных британских достоевцев и исследователей русской литературы. Среди работ британских коллег юбиляра — статья Томпсон о роли музыки в «Бесах», А. Харрингтон (A. Harrington) — о связях «Поэмы без героя» Ахматовой и «Подростка», Хадспис — о диалоге Л. Толстого с Достоевским в романе «Воскресение», Писа — о друге и соратнике Достоевского А. Майкове, А. Мак-Миллина (A. MacMillin) — о музыкальных адаптациях и аллюзиях к Достоевскому и Янг — о буддистских чертах в образе князя Мышкина. Среди авторов из других стран — Р. Белкнап, Ж. Като (J. Cateau), Б. Криста, Т. А. Касаткина, Р. Нойхойзер (R. Neuhauser), В. А. Туниманов, В. Е. Ветловская и В. Н. Захаров.

Список британских изданий, посвященных Достоевскому, скоро пополнится сборником статей, в основу которого легли материалы конференции, устроенной Неоформалистским исследовательским семинаром по русской литературе при Оксфордском университете в сентябре 2008 г.⁴⁰ Составленная из работ авторов разных стран, исследующих широкий спектр тем, книга эта прежде всего посвящена религиозным, философским и нарративным прочтениям. В центре внимания ряда исследователей оказался роман «Братья Карамазовы».

Наряду с монографиями и сборниками статей британские ученые регулярно публикуют отдельные эссе о творчестве Достоевского. Те, кого

³⁸ The Cambridge Companion to Dostoevskii / Ed. W. J. Leatherbarrow. Cambridge, 2002.

³⁹ Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / Eds. S. Young, L. Milne. Ilkeston, 2006.

⁴⁰ Aspects of Dostoevskii: Art, Ethics and Faith / Eds. R. Reid, J. Andrew. Amsterdam; N. Y., 2012.

занимает диалог русского писателя с его европейскими предшественниками, преимущественно обращают внимание на нарратив и поэтику. Так, Джоунс в работе о мотивах Достоевского, восходящих к Руссо, рассматривает их роль прежде всего в эволюции форм нарратива у Достоевского, а также как образец характерной для Достоевского диалогичности⁴¹. Сходным образом Джоунс в своей статье об истории отношения Достоевского к немецкому романтизму исследует эту тему с точки зрения стиля, характеризуя использование Достоевским символических образов насекомых сквозь призму опубликованного в 1814 г. труда Г.Г. Шуберта «Символика сновидений», важного философского источника прозы Э.Т.А. Гофмана, дабы показать, какими часто неожиданными способами диалог Достоевского с предшественниками инкорпорируется в его текст⁴². Л. Бернета (L. Burnett) занимает отношение Достоевского к творчеству По, статья исследователя начинается с вводного комментария, посвященного переводам из По, опубликованным в 1861 г. в журнале «Время», и продолжается сравнительным анализом использования этими двумя авторами пространственного и порогового хронотопа в контексте развития «фантастического реализма»⁴³. Эссе Дональда Рейфилда (Donald Rayfield) посвящено переводу Достоевским романа Бальзака «Евгения Гранде» как ключу к развитию его художественного стиля. В частности, Рейфилд обнаруживает в переводе Достоевского гоголевскую стилистическую манеру и речевые обороты и «следы» самого Достоевского, как, например, использование деепричастий и внедрение навязчивого повествовательного голоса там, где в оригинале его нет⁴⁴.

В то же время не остается без внимания и отношение Достоевского к содержанию творчества других авторов. В отношении философских вопросов преимущественное внимание обращается на немецкую и французскую традиции⁴⁵. Что касается социальных контекстов,

⁴¹ Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990. P. 151–163. См. также: Jones M. *Dostoyevsky, Rousseau and Others // Dostoyevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 81–93.

⁴² Johae A. *Retractive Imagery: Dostoyevsky and German Romanticism // Germano-Slavica*. 1994. Vol. 8, N 2. P. 3–15.

⁴³ Burnett L. *Dostoyevsky, Poe and the Discovery of Fantastic Realism // F. M. Dostoyevsky (1821–1881): A Centenary Collection*. Colchester, 1981. P. 58–86. О Достоевском и фантастическом реализме см. также: Burnett L. *The Echoing Heart: Fantasias of the Female in Dostoyevskii and Turgenev // The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature*. Amsterdam, 1999. P. 235–255; Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990.; Jones M. V. *The Evolution of Fantastic Realism in Russian Literature // Celebrating Creativity: Essays in Honour of J. Bortnes*. Bergen, 1997. P. 58–69; Young S. *Dostoyevsky: Fantastic Realism // The Cambridge Companion to European Novelists*. Cambridge, 2012. P. 259–276.

⁴⁴ Rayfield D. *Dostoyevsky's «Eugénie Grandet» // Forum for Modern Language Studies*. 1984. Vol. 20. P. 133–142.

⁴⁵ О взглядах Достоевского в их соотношении с разными философскими теориями см.: Jones M. V. *Some Echoes of Hegel in Dostoyevsky // The Slavonic and East European Rev.* 1971. Vol. 49. P. 500–520; Jones M. V. *Dostoyevsky and an Aspect of Schiller's Psychology //*

то Рейфилд исследует параллели отрывка из романа «Идиот» с «Дамой с камелиями», выходя за рамки известной отсылки к этому роману в истории, рассказываемой Тоцким (роман «Идиот»): сравнив тексты, Рейфилд приходит к выводу, что вариации Достоевского на тему «Дамы с камелиями» представляют собой пастиши, критикующие буржуазные ценности Дюма, при этом, однако, играющие важную роль в развитии ряда центральных для творчества Достоевского тем, как, например, тема отцовства⁴⁶.

Говоря о способах характеристики героев, Джоунс, сравнивая «Неточку Незванову» и «Тайны Парижа» Эжена Сю (Eugène Sue), обращается, помимо прочего, к теме психологии персонажей, что позволяет выявить сходство этих двух произведений, но также и их различие, особенно в том, что касается психологических мотивировок центрального сюжета. Кроме того, замечает Джоунс, Достоевскому доступно более глубокое проникновение в детскую психику⁴⁷.

Исследователи связей Достоевского с его русскими предшественниками также обращают внимание прежде всего на отношения полемики между писателями. Оффорд помещает «Зимние заметки о летних впечатлениях» в контекст путевых впечатлений о Европе русских авторов XVIII в., специально останавливаясь на параллелях с «Письмами из Франции» Д. Фонвизина — от обильного использования обоими путешественниками литературных источников (в случае Достоевского в список чтения входит и Фонвизин) до общности нравственной и социальной критики Запада⁴⁸.

Пис посвятил серию статей писателям и литературным движениям XIX в. Проанализировав роль сентиментализма в творчестве Достоевского, он пришел к выводу, что это литературное влияние не ограничилось лишь ранними произведениями писателя, но значимо и для его зрелых романов. В частности, следы сентиментализ-

The Slavonic and East European Rev. 1974. Vol. 52. P. 337–354; Jones M. V. Dostoevsky, Rousseau and Others // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4. P. 81–93; Carroll J. Break-Out from the Crystal Palace: The Anarcho-Psychological Critique — Stirner, Nietzsche, Dostoevsky. L., 1974. Философская традиция в более общем плане рассмотрена в следующих работах: Leatherbarrow W. J. Dostoyevsky's Treatment of the Theme of Romantic Dreaming in «Khozyayka» and «Belye nochi» // Modern Language Rev. 1974. Vol. 69. P. 584–595; Leatherbarrow W. J. Idealism and Utopian Socialism in Dostoyevsky's «Gospodin Prokharchin» and «Slaboe serdtse» // Slavonic and East European Rev. 1980. Vol. 58. P. 524–540; Sutherland S. R. The philosophical dimension: self and freedom // New Essays on Dostoyevsky. Cambridge, 1983. P. 169–185.

⁴⁶ Rayfield D. Dumas and Dostoevskii: Deflowering the Camellia // From Pushkin to Palisandria: Essays in Honour of Richard Freeborn. Basingstoke, 1990. P. 70–82.

⁴⁷ Джоунс М. В. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незванова» и «Матильда» Эжена Сю // Дополнения к комментарию произведений Ф. М. Достоевского. М., 2004. С. 370–392.

⁴⁸ Offord D. C. Beware the Garden of Earthly Delights: Fonvizin and Dostoevskii on Life in France // Slavonic and East European Rev. 2000. Vol. 78, N 4. P. 625–643.

ма обнаруживаются в философии князя Мышкина и старца Зосимы, а также в особом отношении к природному миру как источнику эпифании⁴⁹. Использование Достоевским силлогизмов Пис рассматривает как доказательство мысли П. Чаадаева и И. Киреевского об их «врожденности» в русское мышление⁵⁰. Исследуя влияние Пушкина на Достоевского, автор охватывает темы от «Пиковой дамы» как одного из источников «Преступления и наказания» и от роли «Рыцаря бедного» в «Идиоте» до мотивов пушкинской речи Достоевского 1880 г. и его концепции Пушкина как выражения «народности»⁵¹. Достоевского в творчестве Пушкина прежде всего привлекали идеи, а не эстетические качества, в случае же с Гоголем картина более пестрая. В статье о «Бедных людях» рассматривается полемика Достоевского с Гоголем, свидетельствующая о большем человеколюбии Достоевского, также выявляются отклики этого раннего произведения в темах и системе отношений героев поздних романов Достоевского⁵². Читая «Двойника», Пис исследует параллели этого романа с произведениями Гоголя и анализирует, как Достоевский развивает характерные гоголевские тропы, вроде, например, психологической инверсии, а также обнаруживает важность этого приема и в поздней прозе писателя⁵³. Пис показывает, что полемика с Гоголем затронула не только те произведения Достоевского, которые были написаны до ссылки. Предложенное им прочтение «Скверного анекдота» и «Крокодила» в контексте российских реформ, развития капитализма с его сплошной бюрократизацией раскрывает гоголевские подтексты — отзвуки «Шинели» в первом произведении и «Носа» — во втором⁵⁴. Повесть «Вечный муж» Пис интерпретирует как переигрывание гоголевского мотива мести «маленького человека». При этом он замечает, что эту тему можно рассматривать и в контексте предложенного Ап. Григорьевым

⁴⁹ *Peace R. Dostoevsky and Sentimentalism // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues: A Collection of Articles Based on the Pap. Presented at the 13th Symp. of the Intern. Dostoevsky Soc. Budapest, 2009. P. 382–390.*

⁵⁰ *Peace R. Dostoevsky and the Syllogism // Dostoevsky Studies. 2005. Vol. 9. P. 72–79.* См. также: *Пис Р. Достоевский и силлогизм // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 673–680.*

⁵¹ *Peace R. Dostoevsky and Pushkin // Irish Slavonic Studies. 1999. Vol. 20. P. 21–34.* См. также: *Пис Р. Достоевский и Пушкин // Достоевский и мировая культура. 2003. Т. 17. С. 255–267.* П. Дэвидсон рассуждает об идее Достоевского о Пушкине как о пророке в работе: *Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in the Russian Literary Traditions: From Pushkin and Iazykov through Gogol to Dostoevsky // Russian Rev. 2003. Vol. 62, N 4. P. 508–536.*

⁵² *Peace R. The Analytical Genius: «Bednye ljudi» and the Russian Prose Tradition // From Pushkin to Palisandriia. Basingstoke, 1990. P. 52–69.*

⁵³ *Пис Р. Гоголь и «Двойник» Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 501–507.*

⁵⁴ *Peace R. Dostoevskii as Prophet: the case of «Skvernyi anekdot» and «Krokodil» // Slavonic and East European Rev. 1993. Vol. 71, N 2. P. 257–265.*

разделения персонажей на «смирный» и «хищный» типы. Это разделение может быть ответом на мысль Н. Страхова о том, что Толстой в «Войне и мире» превозносит «смирный тип», и позволяет говорить здесь о новом образе в русской литературе⁵⁵. Пис не оставляет тему современников Достоевского, замечает литературные последствия ссоры Достоевского и Тургенева не только в «Бесах», но и в мотиве Дон Кихота в «Идиоте», а также у Тургенева в «Дыме», где разработка темы карточной игры и положительная реакция на Хрустальный Дворец и Всемирную выставку могут быть истолкованы как полемика с произведениями Достоевского 1860-х гг.⁵⁶

У других исследователей анализ диалога Достоевского с его современниками сосредоточен более на идеологической проблематике, на полемике писателя с литераторами радикального лагеря. Офффорд прослеживает развитие спора Достоевского с Чернышевским, вышедшего за пределы «Что делать?» и «Записок из подполья»: Достоевский считает проблематичным применимость «научных» методов к развитию и пониманию эстетики, жизни человека и общества⁵⁷.

Э. Келли (A. Kelly) также подчеркивает двойственное отношение Достоевского к российским радикальным мыслителям и рассматривает попытки А. Герцена «сформулировать последовательно иронический подход к истории, свободе и личности» в контексте ответных высказываний Достоевского, описавшего свои утопические взгляды в ряде произведений от «Зимних заметок о летних впечатлениях» до «Дневника писателя», в которых Достоевский в полемике с Герценом стремится противостоять его иронической критике. Амбивалентность утопии Достоевского подчеркивает также Пис, разбирающий разные смыслы видения в «Сне смешного человека», особенно в отношении религии и, в частности, с учетом отсутствия в нем фигуры Христа⁵⁸.

Реакция на Достоевского других писателей, равно российских и западных, меньше привлекала внимание исследователей. Пайман в очерке о влиянии Достоевского на литераторов Серебряного века исследовал прежде всего вопросы веры и ее кризиса, показав, что русские

⁵⁵ *Peace R.* Dostoyevsky's «The Eternal Husband» and Literary Polemics // *Essays in Poetics*. 1978. Vol. 3, N 2. P. 22–40.

⁵⁶ *Peace R.* Baden-Baden Revisited // *Dostoevsky Studies*. 2002. Vol. 6. P. 73–81.

⁵⁷ *Offord D.* Dostoyevsky and Chernyshevsky // *Slavonic and East European Rev.* 1979. Vol. 57, N 4. P. 509–530; *Offord D.* The Causes of Crime and the Meaning of Law: «Crime and Punishment» in the Light of Contemporary Radical Thought // *New Essays on Dostoevsky*. Cambridge, 1983. P. 41–65; *Offord D.* «The Devils» in the Context of Contemporary Russian Thought and Politics // *Dostoevsky's «The Devils»: A Critical Companion*. Evanston, 1999. P. 63–99.

⁵⁸ *Kelly A.* Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: «From the Other Shore» and «Diary of a Writer» // *Russian Rev.* 1991. Vol. 50. P. 397–416; *Peace R.* Dostoevsky and the Golden Age // *Dostoevsky Studies*. 1982. N 3. P. 61–78.

писатели-модернисты видели в Достоевском как «союзника в разрушении», так и надежду на обновление⁵⁹.

М. Фальчиков анализирует чеховский «Рассказ неизвестного человека» прежде всего в связи с «Записками из подполья». Однако, отметив Петербург как место действия рассказа Чехова, а также появление в нем фигуры «мечтателя» и его революционный подтекст, исследователь обнаруживает диалог чеховского произведения с рядом других произведений Достоевского, от «Белых ночей» до «Бесов»⁶⁰. Фальчиков обращается к влиянию «Записок из подполья» на английскую литературу в статье о Дж. Оруэлле, подчеркивая, что место «Записок из подполья» в творчестве Достоевского аналогично той роли, которую роман Оруэлла «Да будет фикус!» («Keep the Aspidistra Flying») сыграл в формировании зрелых взглядов писателя⁶¹. Сходство обнаруживается не только на стилистическом, но и на идеологическом уровне: Фальчиков подробно рассматривает аллюзии к Достоевскому в изображении Оруэллом общества, сталкивающегося с угрозой насильственного переворота, и в том, как английский автор решает возникающие в такой ситуации проблемы свободы и мотивации человеческих поступков.

То значимое влияние, которое Достоевский оказал на многих писателей XX в., подвигло некоторых литературоведов, специализировавшихся в области английской словесности, обратиться к компаративным исследованиям произведений писателей из России и Великобритании⁶².

Не обойдено вниманием и прямое использование ссылок советских писателей на творчество Достоевского. Пис показал, что под внешне враждебным отношением Горького к Достоевскому скрывается его более сложное внимание к предшественнику как к художнику «подполья»⁶³. Д. Гиллеспи (D. Gillespie) обнаружил, что аллюзии к Достоевскому в сочинениях Ю. Трифонова «связаны с основной исторической проблематикой, занимавшей советского писателя, — противоречиями между

⁵⁹ *Pyman A.* Dostoevskii's influence on Religious Thought of the Silver Age // *Canadian-American Slavic Studies*. 1983. Vol. 17, N 3. P. 287–324.

⁶⁰ *Falchikov M.* From Dostoevsky's Underground Man to Chekhov's Unknown Man // *Scottish Slavonic Rev.* 1987. Vol. 9. P. 67–84.

⁶¹ *Falchikov M.* Gordon Comstock iz podpol'ya? or Orwell's Underground Man (Some Observations on «Zapiski iz podpol'ya» and «Keep the Aspidistra Flying») // *Essays in Poetics*. 1982. Vol. 7, N 2. P. 23–38.

⁶² *Bayley J.* Doubles: Fyodor Dostoevsky and J.M. Coetzee // *The Power of Delight: A Lifetime in Literature: Essays 1962–2002*. N. Y.; L., 2005. P. 567–575; *Conradi P.J.* Iris Murdoch and Dostoevskii // *Dostoevskii and Britain*. Oxford, 1995. P. 277–291; *Gervais D.* Dostoevsky and the English Novel: Dickens, John Cowper Powys and D.H. Lawrence // *Cambridge Quarterly*. 2006. Vol. 35, N 1. P. 49–71; *Gervais D.* J.C. Powys's Dostoevsky // *Powys J.* 2005. Vol. 15. P. 29–44; *Raine C.* Belly Without Blemish: Golding's Sources // *William Golding: The Man and His Books: A Tribute on His 75th Birthday*. L., 1986. P. 101–109.

⁶³ *Peace R.* Some Dostoyevskian Themes in the Work of Maksim Gorky // *Russian Literature*. 1988. Vol. 24, N 4. P. 525–538.

средствами и целями, между историческими, политическими и нравственными результатами»⁶⁴. В других работах акцент сделан на рецептивной эстетике и на теоретических основаниях компаративистики. Джозеф обращается к этому кругу проблем, говоря о Кафке и Достоевском⁶⁵, а Рейфилд сравнивает рецепцию Достоевского в художественных произведениях А. Жида и в посвященных русскому писателю критических статьях этого французского автора⁶⁶. Новый подход к данной теме продемонстрирован в работе Л. Аиелло (L. Aiello), которая рассматривала восприятие Достоевского британской прессой и британскими писателями как пример того, каким образом современный культурный и идеологический контекст влияет на рецепцию творчества того или иного писателя⁶⁷.

В корпусе статей, посвященных собственно Достоевскому, а не его литературным связям, доминируют три подхода: один из них отражает вклад русского писателя в развитие психологии, другой — новаторскую форму произведений Достоевского, а третий — его миссию духовного авторитета. Статьи Зили проливают свет на то, как Достоевский конструирует характеры своих персонажей, а также позволяют лучше понять психологическое многообразие его художественного мира. Помимо работ, посвященных отдельным персонажам, где зачастую амбивалентное совмещение противоречивых черт в одном герое служит отправной точкой для подробного и здравого разбора текста⁶⁸, Зили также обращается к исследованиям более широкого плана, открывающим новые перспективы для взгляда на творчество Достоевского. Так, им разработана типология персонажей, включающая в себя шесть психологических вариантов, характерных для раннего творчества Достоевского, со следующими отличительными качествами: 1) «преданность» (Девушкин), 2) «самоуничжение» (Ползунков), 3) «сентиментальное воображение» (герой «Белых ночей»), 4) «интеллектуальное воображение» (Ордынов), 5) «одержимость» (Прохарчин), 6) «патологическая тревожность» (Голядкин)⁶⁹. Далее Зили демонстрирует слож-

⁶⁴ Gillespie D. Trifonov on Dostoevskii // *Russian Writers on Russian Writers*. Oxford, 1994. P. 161–168.

⁶⁵ Johae A. Groundwork for a Comparative Study of Dostoevsky and Kafka // *Germano-Slavica*. 1997. Vol. 10, N 1. P. 25–38.

⁶⁶ Rayfield D. A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky // *Forum for Modern Language Studies*. 2000. Vol. 34, N 4. P. 340–356.

⁶⁷ Aiello L. *After Reception Theory: Fedor Dostoevskii in Britain, 1869–1935*. Oxford, 2013.

⁶⁸ См. статьи Зили о Раскольникове, Свидригайлове, князе Мышкине, Смердякове и Иване Карамазове: Seeley F.F. *Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky*. Nottingham, 1999; Seeley F.F. *Aglaia Epanchina // From the Heyday of the Superfluous Man to Chekhov: Essays on 19th-Century Russian Literature*. Nottingham, 1994. P. 138–148.

⁶⁹ Seeley F.F. *Towards a Typology of Dostoevsky's Characters // Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky*. Nottingham, 1999. P. 69.

ные сочетания этих базовых разновидностей в зрелом творчестве Достоевского, где появляются такие герои, как Раскольников, Мышкин и Иван Карамазов, наследующие одновременно типам «двойника» и «мечтателя», с обертонами интеллекта и агрессии. Обращаясь к женским образам у Достоевского, Зили отвергает утверждение Бердяева о том, что женщины в произведениях писателя подчинены «внутренней трагедии» мужских персонажей⁷⁰. Сравнив женские персонажи Достоевского с героинями романов Толстого и Тургенева, Зили отмечает, что описанные Достоевским женщины в любовных ситуациях проявляют большее разнообразие сословных, личных и функциональных качеств, а внимание писателя к теме «случайного семейства» позволяет ему с большим сочувствием изображать женщин и не судить их так строго, как Толстой с его представлением об идеальном супружестве. Анализ образов Настасьи Филипповны и Сони Мармеладовой показывает, что первая противостоит персонажам-мужчинам в сфере идей, вторая же своей «деятельной любовью» достигает большего, чем героини-мужчины, такие как князь Мышкин и Алеша Карамазов, которые традиционно считаются идеальными воплощениями этого качества.

Исследование темы двойничества и двойственности у Достоевского касается как философских аспектов этих понятий, так и их использования в качестве средства психологической характеристики персонажей⁷¹. Наибольшее внимание уделяется роли персонажей в повествовании, примером чему служит исследование Лезербарроу, посвященное тому, какую роль в устройстве текста играют мнения и взгляды персонажей произведения. Восприятие Аглаей Епанчиной князя Мышкина как «рыцаря бедного», амбивалентное из-за своих аллюзий к римско-католической традиции, открывает путь для последующих ошибочных интерпретаций. В «Бесах» развивается этот же структурный прием, когда изображение Ставрогина непосредственно зависит от предшествующих его появлению и сопровождающих его ложных портретов⁷².

⁷⁰ Ibid. P. 76.

⁷¹ Первое направление исследований представлено в работах: *Kelly A. Dostoevsky and the Divided Conscience* // *Slavic Rev.* 1988. Vol. 47, N 2. P. 239–260; *Peace R. Dostoevsky and the Concept of Many-Faceted Doubling* // XXI век глазами Достоевского: Перспективы человечества. Материалы Междунар. конф. Университет Тиба (Япония), 22–25 августа 2000 г. М., 2002. С. 191–198 (русский перевод на с. 199–207); *Young S. Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James* // *Slavonic and East European Rev.* 2003. Vol. 81, N 3. P. 401–420; *Bayley J. Doubles: Fyodor Dostoevsky and J.M. Coetzee* // *The Power of Delight: A Lifetime in Literature: Essays 1962–2002*. N.Y.; L., 2005. P. 567–575. Среди примеров второго подхода: *Woodward J.B. Overlapping portraits in Dostoevskij's «The Idiot»* // *Scando-Slavica*. 1980. Vol. 26. P. 115–127; *Seeley F.F. The Two Faces of Svidrigailov* // *Raskolnikov and Svidrigailov*. Broomall, PA, 2004. P. 81–86.

⁷² *Leatherbarrow W.J. Misreading Myshkin and Stavrogin: The Presentation of the Hero in Dostoevskii's «Idiot» and «Besy»* // *Slavonic and East European Rev.* 2000. Vol. 78, N 1. P. 1–20.

Рассматривая неспособность Вельчанинова и Трусоцкого в «Вечном муже» узнать правду друг о друге и стремление не дать сопернику раскрыть истину о самом себе, Джоунс рассуждает о том, как стратегии, направленные на мучительство другого, становятся определяющими факторами устройства нарратива⁷³. В близкой по подходу статье, посвященной «Игроку», он показывает, как аналогичные стратегии сдерживаются фигурой мистера Астлея, действующей как стабилизирующий фактор не только в нравственном отношении, но и в устройстве романного повествования⁷⁴. Роль мнений героев в структурировании текста также является предметом статьи Янг о функции картины Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» («Христос в могиле») в романе «Идиот»: реакция князя Мышкина на это сильное и трагическое изображение в сочетании с эпилептическим недугом героя дает ключ к пониманию необычной и неровной повествовательной формы романа⁷⁵.

В этом контексте значимы фигуры героев-повествователей. Прочтение Пайком «Сна смешного человека» сосредоточено на том обстоятельстве, что отношение сна и спящего представляет собой функцию самосознания. Исследователь показывает, как ключевые темы — вербальная и невербальная коммуникация, эмоции и зрение, а также отказ от рационального восприятия в пользу интуиции — смещают читательское внимание с уровня сюжета на уровень повествования, отвлекают читателя от интерпретации смысла рассказываемой истории, ради того чтобы переключить его внимание на восприятие текстуальной формы произведения⁷⁶. Сходного подхода придерживается Пис в своем анализе «Кроткой», переводя тематические моменты на уровень повествования. Он демонстрирует, как дефекты восприятия ростовщиком своей жены и отношений с ней, использование слова «строгая» для описания этой «кроткой» молодой женщины позволяют читателю понять характер и истинную природу ее отношений с мужем, которые скрываются за их внешним проявлением⁷⁷. Эндрю, анализируя эту же повесть Достоевского, показывает, как стремление понять жену побуждает ростовщика рассказать свою историю. Однако гендерная конструкция этого произведения лишает голоса его героиню, отдавая предпочтение истории повествователя-мужчины, более близкого имплицитно конструируемому читателю-мужчине⁷⁸.

⁷³ Jones M. V. «The Eternal Husband»: Discourse with a Noose // *Essays in Poetics*. 1995. Vol. 20. P. 46–59.

⁷⁴ Jones M. V. *The Enigma of Mr. Astley* // *Dostoevsky Studies*. 2002. N 6. P. 39–47.

⁷⁵ Янг С. Картина Гольбейна «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» // Роман Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 28–39.

⁷⁶ Pike C. *Dostoevsky's «Dream of a Ridiculous Man»: Seeing is Believing* // *The Structural Analysis of Russian Narrative Fiction*. Keele, 1984. P. 26–63.

⁷⁷ Пис Р. «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 187–194.

⁷⁸ Andrew J. «Who was I and who was she?» A study of narrative and gender in «Кроткая» // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов*. СПб., 2011. С. 88–114.

Роль рассказчика в манипулировании читательскими ожиданиями и пониманием текста является также центральной темой в прочтении Писом «Записок из Мертвого дома». Достоевский, описывая едва выносимый для себя личный опыт, стремится поддерживать в читателе интерес к своему тексту. Для этого он выработал принцип структурирования повествования, основанный на парадоксе, противоречии и противопоставлении, а также на инвертировании представления о повествовательной норме. В «Записках из Мертвого дома» повествователь движется от знания к неведению, а в главах, посвященных больнице, Достоевский парадоксальным образом акцентирует страдания героя, вместо того чтобы описывать их облегчение, которое, казалось бы, обещает читателю новое место действия⁷⁹.

Пис, говоря о Пасхе как одном из вытесненных мотивов «Записок из Мертвого дома», отражает в целом осторожное отношение британского достоевведения к теме православия⁸⁰. Это можно отметить и в возрождающемся интересе к темам ада, демонического и апокалипсиса у Достоевского⁸¹. И все же религиозный взгляд на творчество Достоевского сыграл свою весьма значительную роль в трех областях религиозной интерпретации его произведений.

Первая — раскрытие образа Христа. И. Кириллова исследовала этот образ в творчестве Достоевского, причем не только известные его аспекты (например образ князя Мышкина как «князя-Христа» и «положительно прекрасного человека») и высказывания писателя философского порядка (например его размышления в связи со смертью первой

⁷⁹ *Peace R.* Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead»: «The Literary Construct» // *Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Stanford Slavic Studies.* 1991. Vol. 4, N 1. P. 239–259.

⁸⁰ См. также, например: *Hackel S. F. M.* Dostoevsky, 1821–1881: Prophet Manque? // *Dostoevsky Studies.* 1982. Vol. 3. P. 5–25; *Jones M. V.* The Death and Resurrection of Orthodoxy in the works of Dostoevskii // *Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century.* Oslo, 1997. P. 143–167; *Jones M. V.* Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. L., 2005.

⁸¹ *Orr J.* Dostoevsky: the demonic Tendenz // *Tragic Realism and Modern Society: Studies in the Sociology of the Modern Novel.* Basingstoke, 1977. P. 73–86; *Orr J.* The demonic tendency, politics and society in Dostoevsky's «The Devils» // *The Sociology of Literature: Applied Studies.* Keele, 1978. P. 271–283; *Panteli C.* Dostoevsky's Aesthetic: Dichotomy between Reality and Transcendence in Ivan Karamazov's Nightmare // *F. M. Dostoevsky (1821–1881): A Centenary Collection.* Colchester, 1981. P. 119–126; *Leatherbarrow W. J.* Apocalyptic Imagery in «The Idiot» and «The Devils» // *Dostoevsky Studies.* 1982. Vol. 3. P. 43–52; *Leatherbarrow W. J.* A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction. Evanston, 2005; *Leatherbarrow W. J.* The Sorcerer's Apprentice: Authorship and the Devil in Dostoevskii's «Poor Folk» and «The Landlady» // *Slavonic and East European Rev.* 2005. Vol. 83, N 4. P. 599–616; *Thompson D. O.* Lise Khokhlovskova: shalunia/besenok // *O Rus! Studia litteraria Slavica in Honorem Hugh McLean.* Oakland, CA, 1995. P. 281–297; *Berry R. J.* First Descents into the Inferno: Parallel Ideology: An Experience in Conrad's «Heart of Darkness» and Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» // *New Zealand Slavonic J.* 1997. Vol. 31. P. 3–21.

жены), но также и менее очевидные отсылки. Кириллова утверждает, что образ Христа у Достоевского раздваивается из-за изображаемого писателем противоречия между сомнениями в Его божественной природе и экстаической верой в Спасителя⁸². К этому же направлению в британском достоеведении относится выявление библейских аллюзий. Кириллова посвятила свою работу отметкам писателя на Евангелии от Иоанна как ключу к интерпретации его религиозного мировоззрения⁸³. Янг рассуждает о значении Книги Бытия в создании библейских архетипов и в мотиве рассказывания в романе «Идиот» и утверждает, что концепция «человека с двоящимися мыслями» и «веры без дел» из Послания Иакова открывает новую возможность для понимания характера князя Мышкина и этики всего романа⁸⁴.

Вторую область представляют исследования, где преобладает интерес к религии в ее связи с моралью. Дж. Саттон (J. Sutton) считает, что в творчестве Достоевского наиболее близкий к духу Нового Завета аспект веры представлен в «деятельной любви». Он также пишет о том, что Вл. Соловьев видел самого Достоевского духовным идеалом в его сопротивлении идее поражения Добра и утверждении идеи свободы, включавшей в себя освобождение от личной гордыни, а не подчинение ей⁸⁵. Томпсон рассуждает о монологе Мармеладова в распивочной, находя в нем мысль о распятии Христа как предельном выражении сострадания, и интерпретирует ответ на него Раскольникова, а также ответы Софьи Матвеевны Степану Трофимовичу в «Бесах» и Ивана Карамазова сбитому им пьяному крестьянину как вариации на тему притчи о добром самаритянине⁸⁶. Томпсон также обращается к символическому языку снов, включая сюда упоминания ада, отсылающие к словам Христа из Евангелия от Матфея, свидетельствующие о подсознательном поиске Раскольниковым наказания и искупления⁸⁷.

⁸² Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 18. См. также: Кириллова И. А. «Маша лежит на столе...»: утопические и христианские мотивы (к обозначению темы) // Достоевский и мировая культура. 1997. № 9. С. 22–27.

⁸³ Кириллова И. А. Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX века. С. 48–59.

⁸⁴ Янг С. Библейские архетипы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе: цитата, реминисценция: мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 382–390; Young S. Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James // Slavonic and East European Rev. 2003. Vol. 81, N 3. P. 401–420.

⁸⁵ Sutton J. Three Perspectives on Faith and Freedom // Ideology in Russian Literature. N. Y., 1990. P. 79–95.

⁸⁶ Thompson D. O. Motifs of Compassion in Dostoevskii's Novels // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century. Oslo, 1997. P. 185–201.

⁸⁷ Thompson D. O. The Problem of Conscience in «Crime and Punishment» // Celebrating Creativity: Essays in Honour of Jostein Børtnes. Bergen, 1997. P. 190–204.

Третье направление религиозной интерпретации творчества Достоевского касается тех аспектов художественного мира писателя, которые выходят за рамки православия и связаны с другими религиями (прежде всего восточными) в позитивном и негативном контекстах. Томпсон считает, что в «Двойнике» отсылки к Магомету и исламскому мировоззрению связаны с переживаемым Голядкиным отчуждением от мира, тогда как в «Преступлении и наказании» самоидентификация Раскольникова с пророком Магометом (которую исследователи часто упускают из виду, увлекаясь наполеоновскими амбициями героя) относится к числу его неудавшихся попыток легитимировать свои идеи⁸⁸. Она также замечает, что отсылки к исламу в «Братьях Карамазовых», написанных после русско-турецкой войны, которая была центральной геополитической темой в «Дневнике писателя», приобретают гораздо более негативный оттенок не только в рассуждении о тогдашних исторических событиях на Балканах, но и в контексте отчуждения России от духовного наследия Византии⁸⁹.

Янг выдвигает предположение, что буддийские понятия пребывания в настоящем, безличности («анната») и сочувствия способны пролить свет на характер князя Мышкина, его мнения и поступки, коренящиеся в пережитом им эпилептическом опыте⁹⁰.

Джое, по-новому подходя к проблеме антисемитизма Достоевского, мучительной для многих его читателей и критиков, обнаруживает систему скрытых отсылок к каббале в «Братьях Карамазовых». Исследователь связывает их с общением Достоевского и Авраама (Аркадия) Ковнера, судьба которого, возможно, послужила прототипом бунта Ивана Карамазова, и отмечает расхождения между теми идеями, которые воплощены писателем в его романах, и формулировками «Дневника писателя». Это свидетельствует об идейных колебаниях Достоевского в еврейском вопросе⁹¹.

Многообразие объектов исследования и способов анализа творчества Достоевского, продемонстрированное в посвященных ему книгах и статьях британских ученых, говорит об отсутствии доминирующего национального подхода, об открытости разным возможностям, вниманию ко всем аспектам его творчества и опытам их прочтения. Существует, впрочем, негласное общее мнение, что исследование творчества писателя, сумевшего изобразить всю широту человеческой природы,

⁸⁸ *Thompson D.O.* Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. P. 480–491.

⁸⁹ *Thompson D.O.* Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg, 2010. P. 101–114.

⁹⁰ *Young S.* Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds. P. 220–229.

⁹¹ *Johae A.* Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // Dostoevsky Studies. 2007. Vol. 9. P. 76–97.

не может быть ограничено одной темой или подходом и что достоеведению полезны плюрализм взглядов и диалог. В частности поэтому британские специалисты по творчеству Достоевского не воспринимают себя как группу, замкнутую в границах национальной науки, но активно взаимодействуют с международной научной средой, сотрудничая с коллегами из других стран, опираясь на материалы российских архивов и библиотек, а также на публикации, выходящие в свет в разных уголках мира. Эта позиция наглядно проявлена в той важной роли, которую британские ученые играют в деятельности Международного общества Достоевского с самого момента его основания в 1971 г.